

В. ГРОССМАН О БОБРУЙСКЕ И ГАМАНЕ

Источник: Гроссман В.С. Годы войны. М.: Гослитиздат, 1945.

У въезда в пылающий и разрушенный Бобруйск на низком песчаном берегу Березины сидит немецкий солдат, раненный в ноги. Он, подняв голову, смотрит на танковые колонны, идущие на мост, на артиллерию и самоходные пушки. К нему подходит красноармеец и, зачерпнув консервной банкой воды, дает напиться.

И невольно подумалось, что бы сделал немец летом 1941 года, когда через этот мост шли на восток панцирные колонны фашистских войск, если б на песчаном берегу Березины сидел наш боец с перешибленными ногами. Мы знаем, что бы он сделал. Но мы ведь люди, этим мы победили зверя. Фашисты воюют с детьми, женщинами, ранеными. Высший закон жизни осудил их на уничтожение. Близок день суда света над тьмой, добра над злом! Близок день полного возмездия!

И снова дорога, пыль, речушки, поля, треск автоматов в лесах.

В полуразрушенном темном сарае идет первый опрос взятых вчера вечером генералов: командира шестой дивизии генерал-лейтенанта Гайне и знаменитого палача, бывшего последовательно комендантом Орла, Карачева и Бобруйска, генерал-майора Адольфа Гамана. Здесь, в этом сарае, апофеоз «котла».

<...> И вот начинает отвечать Адольф Гаман. Он необычайно объемистый, низкорослый старик, с большим красным лицом и тяжелыми щеками. Гитлер наградил его не то девятью, не то одиннадцатью орденами и знаками отличия; они у него и на толстой груди, и на толстом животе, и на толстом боку, поэтому их трудно сосчитать.

Ужасное чувство охватывает, когда глядишь на Гамана. Внешне он похож на человека. Руки, глаза, волосы, речь – все это не отличает его от человека. А перед глазами встают раскопанные могилы, где лежат сотни, тысячи трупов женщин и детей, похороненных живыми, трупы, у которых анатомы находили песок в легких; вспоминаешь развалины взорванного им четвертого августа 1943 года Орла, снесенный им с лица земли Карачев, еще горящий, дымящийся сегодня Бобруйск.

Вот этим же басистым голосом он отдавал приказания своим поджигателям, вот этой пухлой рукой подписывал он приказ о массовом истреблении беспомощных старцев и младенцев. Вот этой же толстой ногой в ладном сапожке он утапывал землю над недобитыми в ямс старухами и детьми. Нет, страшно дышать одним воздухом с ним, с этим нечеловеком. Как полагается уголовнику, он все отрицает - и массовое убийство евреев, и массовые расстрелы партизан, и угон населения, и вообще всякое насилие. Раз только,

кажется в Орле, был казнен мужчина за убийство из ревности. Взорвал ли он Орел? Да, но ведь всем известно, что он солдат и выполнял приказ Шмидта, командующего второй танковой армией. Да, да, он и в Карачеве выполнял приказ командования. И в Бобруйске. И вдруг он бросает быстрый, хитрый, испуганный взгляд на спрашивающих, взгляд седого жулика и убийцы, взгляд труса.

С каким отвращением, с каким брезгливым любопытством смотрит на него щуплый паренек-автоматчик в зеленых обмотках и тяжелых ботинках! Нет, хорошо, что первый допрос длился недолго, что Гамана уже увозят в тыл.

Почти одиннадцать месяцев тому назад генерал Горбатов на митинге в Орле призывал бойцов к мести, к тому, чтобы настигнуть орловского палача. Красноармейцы выполнили наказ.